

ВЕДЬМИН КЛЮЧ

Таежная быль

Человек в мокрой шинели стоит у зимовья и долго, не мигая, следит за гуляющей, брошенной настежь дверью. Неловко поймав ее за ременную петлю, придержал. В руке блеснуло лезвие широкого топора.

— Э-эй! — позвал он и чутко прислушался.

Но только ветер налегал на темные громады елей, да летели над головой тучи, шлепая о землю шумными каплями.

— Есть ли жива душа?! — крикнул человек и, держа топор на отлете, шагнул в дверной проем.

— Вхо-одь... ежли не дьявол, — сиплым шепотом встретила его темнота.

Пришлый испуганно подобрался.

— Православный я! — хрипит он и зябко вздрагивает.

— Ого-онь... вздуй. Огниво на столе, пошарь, — просит голос и заходится глухим мокрым кашлем.

Пришлый долго клацает кресалом, выпячивая губы, дует на трут, тыча в оранжевый жарок витком бересты.

— Лучину, лучину вставь! — охает голос.

Ветер, влетая в открытую дверь, рвет пламя с бересты, крутит. Подсвечивая себе, пришлый огляделся, нашел и вставил лучину в железную рогульку, поджег. Его качнуло. Он уперся руками в край ушата, опустил голову. В черной воде латунно ворохнулось скуластое лицо. Громыхнув об ушат цепью, пришлый рукой взбультил отражение, разогнулся, содрал с плеч набухшую водой шинель,

шмякнул ее на скамью. Хлопая по полу раскисшими ичигами, прошел на голос.

На разделенном тенью лице старика стынет мутный глаз, на шее, в ячее морщин, толчется набрякшая жила.

— Явил милость создатель... Послал человека... Помираю, — задвигал запавшими губами старик. — Сядь-ко. Сказывать стану, запоминай.

— Ослобоняйся, как на духу, — зажав в кулаках обрывки цепи, тряхнул головой пришлый.

— Как тебя? — спросил дед.

— Семеном.

— Пусть будя так, — согласился старик. — Слухай.

Семен наклонился, и дед зашептал надсадно, с усилием выпрастывая изо рта всякое слово.

— Сын у меня, месяц скоро, как в село Витим за харчами подался. Что скажу — от него не таи, не бери грех на душу... Фарт мне случился, нашел я золото. Всем хватит, ежели с умом, по-христиански.

— Где оно? — вперились посветлевшими глазами в лицо старика мигом вспотевший Семен. — Много?

— Погодь... Ты слухай. Золота много, да беды много. Сыну скажи: не там копались. По старому урману надо, там старайтесь. Шурфишко мой отыщете, валежником забросал. В него и сверзился. Еле дополз, — старик захрипел.

— Какой такой урман-то? — боясь, что дед помрет не договорив, закричал Семен.

Но старик жил другой заботой.

— Вынь крест... Отхожу, — распорядился он. — Опосля в рубаху чистую обряди, как след.

Семен расстегнул на старике полуистлевший ворот, вытянул на гайтане холодный и липкий от пота медный крест, кое-как вправил его меж крючьями сведенных пальцев. Из-под век старика медленно выдавилась слезинка и по

морщине скатилась к виску. Лучина догорела до самых пальцев, куснула и погасла. Семен поплевал на обожженную руку, закрутился, нашаривая впотьмах ушат, пригоршнями зачерпнул воду и припал к ней запекшимися губами.

До утра, сидя перед покойником, скреб напильником, освобождая руки от железа. Когда толкнул дверь — выйти спрятать цепи, — увидел: слепит солнце тайгу, стих ветер. Семен прихватил топор, вышел из зимовья, прищурился, выглядывая лесину на гроб-колодину.

Размахнулся, крикнул и всадил лезвие в могучий ствол. Крякнуло и дерево, осыпав Семена шумными каплями. Нюхая пахнущую скипидаром щепку, Семен, улыбаясь, глядел на речку. Вздувшаяся от ночного ливня, она вольно бежала мимо зимовья, качая на перекатах волнами-плавниками...

К вечеру вернулся сын старика, широкий рыжебородый мужик в синей навыпуск рубахе. Исподлобья взглянув на вышедшего из зимовья Семена, он, не спеша, привязал к дереву навьюченную лошадь, снял картуз.

— Слава тебе, владыко, добрались! — рыжебородый размашисто перекрестился, утер лоб. — Устя! — окликнул он. — Торока посымай да разбери куда что.

Женщина, пришедшая с мужиком, кивнула головой, туго повязанной черным платком, легко изогнулась, подтягивая голенища разбитых ичиг. Мужик, сплюнув в сторону, шагнул к зимовью. Семен посторонился, уступая дорогу, и рыжебородый, не здороваясь, поднырнул в проем.

— Баба-а! — донеслось изнутри. — Подь сюда, жив-ва!

Устя бочком шмыгнула в дверь, запричитала высоко, монотонно:

— Отмучился-а!.. Отмаялся-а!.. — плеснул из зимовья плач и пропал, обрубленный тяжело бухнувшей дверью.

Мужик вышел и, хмурясь лицом, протопал к Семену.

— С чего помер-то? — спросил, глядя на ошкуренную полувыдолбленную